

Научная статья | Original paper

Л.С. Выготский о «психологической физиологии»

А.Д. Майданский^{1,2} ✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Российская Федерация

✉ caute@yandex.ru

Резюме

Комментарий к публикации стенограммы выступления Л.С. Выготского в прениях по докладу К.С. Лешли 20 апреля 1931 г. Кратко освещается развитие идеи психологической физиологии в записных книжках Л.С. Выготского и в работах А.Р. Лурия. В статье показано, как, в свете этой идеи, Выготский решает проблему локализации психологических функций, вокруг которой развернулся спор К.С. Лешли с И.П. Павловым. В основу кладется принцип «хроногенной локализации» высших психологических функций, утверждающий зависимость мозговых структур от уровня культурного развития личности. Раскрывается понятие «экстрацеребральных связей» человеческого мозга с культурной средой, благодаря которым осуществляются высшие психологические функции и вообще любые процессы осознанной, «произвольной» деятельности человека.

Ключевые слова: психофизическая проблема, высшие психологические функции, хроногенная локализация, экстрацеребральные связи, объективирование, К.С. Лешли, А.Р. Лурия

Благодарности. Стенограмма выступления Л.С. Выготского была найдена и подготовлена к публикации в период моей стажировки в Школе философии и культурологии факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики, в рамках Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ. Автор также благодарит проф. Т.В. Ахутину за полезное обсуждение статьи.

Для цитирования: Майданский, А.Д. (2026). Л.С. Выготский о «психологической физиологии». *Культурно-историческая психология*, 22(1), 10–17. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220102>

Lev Vygotsky on “psychological physiology”

A.D. Maidansky^{1,2} ✉

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

✉ caute@yandex.ru

Abstract

This article discusses the publication of Lev Vygotsky’s speech delivered at the debate held following Karl S. Lashley’s lecture on 20 April 1931. The evolution of the concept of psychological physiology in Vygotsky’s notebooks and the works of Alexander Luria is outlined briefly. The author demonstrates how Vygotsky resolved the problem of localising psychological functions – a subject of dispute between Karl Lashley and Ivan Pavlov. The principle of “chronogenic localisation” of higher psychological functions is adopted as a basis. This principle asserts that brain structures depend on the level of an individual’s cultural development. The concept of “extracerebral connections” between the human brain and the cultural environment is explored. These connections are responsible for higher psychological functions, and more broadly for all processes of conscious, voluntary human activity.

Keywords: psychophysical problem, higher psychological functions, chronogenic localisation, extracerebral connections, objectification, K.S. Lashley, A.R. Luria

Acknowledgements. The transcript of Lev Vygotsky’s speech was found and prepared for publication during my fellowship at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities at the Higher School of Economics, as part of the HSE University Fellowship Programme for employees and postgraduate students of Russian universities and scientific organisations. The author would also like to thank Prof. T.V. Akhutina for her helpful discussion of the article.

For citation: Maidansky, A.D. (2026). L.S. Vygotsky on “psychological physiology”. *Cultural-Historical Psychology*, 22(1), 10–17. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220102>

Введение

В этом номере журнала публикуется стенограмма первого публичного выступления Л.С. Выготского по вопросам физиологии нервной деятельности. Машинописный текст нашелся в Архиве РАН. Рядом в деле № 57 хранится стенограмма другого доклада — И.Д. Сапира¹², известного психоневролога, работавшего в клинике нервных болезней у Г.И. Россоломо в должности главврача и, вместе с Выготским, в Психологическом институте на Моховой¹³.

Весной 1931 года в Советский Союз с визитом к академику И.П. Павлову приехал президент Американской психологической ассоциации К.С. Лешли. Он согласился сделать доклад на заседании Общества психоневрологов-материалистов в стенах Коммакадемии на Волхонке, 14. Руководство Общества пригласило Выготского и Сапира выступить в прениях. Два года спустя выйдет книга К.С. Лешли «Мозг и интеллект» в переводе с английского под редакцией Л.С. Выготского и с предисловием И.Д. Сапира (Лешли, 1933). Заглавие оригинала: «Механизмы мозга и интеллект: количественное исследование повреждений мозга» (Lashley, 1929).

Читая стенограмму доклада Выготского, следует учитывать состав аудитории и «флажки», выходить за которые с недавних пор стало опасно. Наука превратилась в арену свирепых идеологических битв, и уже начались атаки на «культурническую психологию Выготского и Лурия»¹⁴.

Слушатели из числа «психоневрологов-материалистов» в большинстве своем были павловцами, в то время как Лешли бросил открытый вызов учению академика Павлова о локализации психологических функций в коре головного мозга¹⁵. Выготский в этом

вопросе занимал еще более радикальную позицию, считая критику Лешли недостаточной, половинчатой, но предпочел обсуждать проблему локализации без упоминания имени Павлова (так же он будет поступать и в дальнейшем).

С другой стороны, было бы неучтиво давать резкие оценки взглядам почетного гостя из Америки. Выготский говорит всего лишь о «горестном затруднении», мешающем Лешли развивать «новое направление в современной психоневрологии». В двух своих более поздних докладах Выготский выразится жестче, критикуя «грубые ошибки» и «ложное положение» Лешли (о чем речь пойдет ниже).

Эти два доклада напрямую развивают мысли, высказанные Выготским в 1931 году, поэтому стоит упомянуть их особо. Доклад «Проблема развития и распада высших психологических функций» (Выготский, 1960)¹⁶, последний в его жизни, был прочитан на конференции Всесоюзного института экспериментальной медицины 28 апреля 1934 года. Дирекция нового научного центра¹⁷ пригласила Выготского возглавить Отдел клинической психологии. В докладе он подытожил результаты своих исследований последних лет. Тезисы другого доклада, «Психология и учение о локализации» (Выготский, 1934), были поданы на Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров, состоявшийся вскоре после смерти ученого.

I

Выготский выступал после Сапира и, судя по стенограмме, недолго, минут 15–20. Начал он с обзора эволюции взглядов Лешли и тех его научных откры-

¹² Исая Давидович Сапир (1897–1976) тесно сотрудничал с философами круга академика А.М. Деборина. Как раз в 1931 году началась расправа над деборинцами. Несколько лет спустя Сапира арестовали и сослали в Якутск, где доктор медицины работал врачом в поликлинике. После войны он станет профессором неврологии в Красноярской медицинской Академии.

¹³ Названия института неоднократно менялись. В начале 1931 г. после проверки комиссии Рабкрин он был реорганизован и переименован в Государственный институт психологии, педологии и психотехники. При этом сотрудник I разряда Л.С. Выготский был повышен в должности, став «действительным членом Института» (запись в трудовой книжке от 1 марта 1931 г.).

¹⁴ Формулировка из резолюции общего партсобрания Института психологии, педологии и психотехники от 6 июня 1931 г. Фамилия «Лурия» в то время писалась без склонений по падежам, в том числе и в работах Выготского.

¹⁵ Подробнее на эту тему см.: Сапецкий, 1999.

¹⁶ В издании 1960 года редакторы, не утруждая себя аргументацией и не уведолив читателя, заменили в названии и тексте доклада «психологические функции» на «психические». Та же операция негласно проделывалась и в других посмертных изданиях трудов Л.С. Выготского, включая заглавие рукописи «История развития высших психологических функций». Сам он определял «психологическое» как единство психических и физиологических процессов, т. е. как психофизиологическое (см.: Выготский, 1930); у человека «психологическое», сверх того, включает социальные связи и «культурные знаки», орудия овладения своим поведением.

¹⁷ Для ВИАМ был построен научный городок на площади 65 гектаров и собраны элитные научные кадры страны. В конце войны на его базе будет создана Академия медицинских наук СССР.

тий, которые Выготский считал наиболее важными в свете своих представлений о магистральном пути развития физиологии нервной деятельности. Это не только и даже не столько характеристика учения персонально Лешли, сколько анализ «исторического перелома» в современной психоневрологии, тесно связанного с «психологическим кризисом», над которым давно уже размышлял Выготский.

Симптомы кризиса в неврологии были ярко обрисованы в речи Лешли на психологическом конгрессе в Нью-Хейвене. Конкретного выхода американский ученый предложить не смог, в чем и сознался со всей прямотой: «У нас нет сейчас другого выбора, кроме как между неопределенностью и заблуждением, и я убежден, что признание своего незнания более плодотворно для прогресса, чем ложная уверенность в своем знании» (Лешли, 1930, с. 314). Ясно лишь, что требуется пересмотреть господствующее представление о работе мозга и сложившиеся отношения между психологией и неврологией.

Выготский же уверен, что знает реальный выход из кризиса. Понимание принципов и законов работы мозга (и, в частности, решение проблемы локализации психологических функций — причем не только высших функций культурного происхождения, но и других «сложных живых психологических образований») может быть достигнуто не иначе как на основе и с высоты «исторической психологии».

Он следует завету Маркса: ищи в законах высшей формы развития (в «анатомии человека») ключ к познанию нижележащих форм («анатомии обезьяны»). Научная мысль должна на каждом своем шагу учитывать вектор восходящего развития предмета. Это в полной мере относится и к предмету, больше всего занимавшему Выготского: развитие детской психики надлежит рассматривать и оценивать не иначе, как в перспективе развитой психики взрослого человека.

Для разрешения проблемы локализации психологических функций требуется первым делом исследовать природу самих этих функций, как таковых, а уж затем браться за выяснение их «местоположения» под крышкой черепа.

В обратном порядке проблему локализации решить не получится — даже обладая гениальным умом И.П. Павлова. Поскольку наш академик руководствовался скверной, несостоятельной психологической теорией, постольку у него не было шансов справиться с проблемой локализации.

Завершая свое обсуждение доклада Лешли, Выготский предлагает в области физиологии нервной деятельности «...исходить непосредственно из данных, открываемых в психологии, в сложных живых психологических образованиях, и затем раскрыть их физиологическую организацию — на манер того, как посту-

пает химик, когда он разрешает проблемы биологии». Эту новую научную дисциплину он именует «психологической физиологией» (по аналогии с биохимией).

Физиологам предлагается взять *психологическую теорию* за основу и отправной пункт исследований нервной деятельности.

Какую конкретно теорию? Разумеется, не бихевиоризм с рефлексологией, привычные для большинства исследователей «механизмов мозга», включая Лешли. Эти натуралистические учения в психологии возникли на основе ложных представлений о психике как проявлении (субъективном феномене либо эпифеномене) нервной деятельности¹⁸.

Говоря о «данных, открываемых в психологии», Выготский подразумевает *свою* теорию культурно-исторического развития высших психологических функций (так она именуется в работе того же 1931 года¹⁹). Психологическая физиология замышляется как применение созданной им новой психологической теории к исследованию работы мозга.

Навстречу открытиям психологов стихийно тянется и сама психоневрология, как Выготский показывает на примере эволюции взглядов Лешли (рядом названо имя К. Гольдштейна, тот ориентировался на гештальтпсихологию). Однако стихийное движение в науке, как и в обычной жизни, сопряжено с шатаниями, блужданиями, поворотами вспять и тому подобными «горестными затруднениями» на пути к своей объективной цели. Выготский ищет прямой и кратчайший путь.

II

Если еще поглубже вникнуть в аналогию между психологической физиологией и биохимией, можно увидеть, что здесь кроется принципиальное решение *психофизической проблемы*.

Психическая жизнь рассматривается Выготским как более высокий «этаж» эволюции по сравнению с физиологическими процессами. Отношение психики к «физике» — это отношение между двумя ступенями (высшей и низшей) развития живой природы. Ровно такое же отношение существует между биологическими процессами и химическими реакциями или, например, между линиями культурного и органического развития детской психики. Они сплетаются, образуя диалектическое единство, где низшее «снимается» в высшем, а высшее осуществляется через низшее, при этом подчиняя его развитие своим собственным нуждам. В частности, психика целенаправленно изменяет морфологию мозга и формирует нервные связи, необходимые для ее работы и саморазвития. Данный тезис содержит ключ к решению

¹⁸ Это хорошо понимал и Лешли. Свою речь он начал с критики заблуждения, будто «...объяснения поведения или психических процессов следует искать в конечном счете в физиологической деятельности организма и в частности — в свойствах нервной системы» (Лешли, 1930, с. 293).

¹⁹ «В сущности, так называемая теория исторического (или культурно-исторического) развития в психологии означает теорию *высших психологических функций*... — не больше и не меньше» (Выготский и Леонтьев, 2003, с. 200).

проблемы локализации психологических функций и смело может считаться краеугольным камнем психологической физиологии.

Выготский выделяет три основные идеи Лешли, достойные войти в состав психологической физиологии, после чего обращается к общему представлению о работе коры головного мозга по принципу телефонной станции. Эта метафора встречается еще в «Основах психологии» У. Джеймса (1890). В России ее подхватил и подкрепил своим авторитетом И.П. Павлов. Он сравнивал безусловный рефлекс с прямой постоянной связью между телефонными аппаратами, а условные рефлексы — с временными связями через «центральную станцию» (кора).

Такое представление господствует у наших материалистов, замечает Выготский. Поначалу, в «Педагогической психологии», он и сам телефонную метафору одобрял, объясняя с ее помощью бесконечное многообразие форм человеческого поведения. В работе того же периода «Сознание как проблема психологии поведения» он уже находит ее недостаточно точной, предлагая взамен метафору «узкой двери». Несколько лет спустя, в «Истории развития высших психологических функций», Выготский заговорит о необходимости учесть «работу телефониста» — человека, замыкающего мозговые связи посредством знаков (сигнификация). В «Конкретной психологии человека» «телефонистка» характеризуется как «социальная личность» — ступок общественных отношений, врастающих в нашу природную психофизиологию.

«Вопрос упирается в личность. Павлов *сравнивает нервную систему с телефоном, но все своеобразие психологии человека — в том, что в нем в одном существе соединены телефон и телефонистка*, т. е. аппарат и управление им человеком» (Выготский, 1986, с. 57). Человек управляет деятельностью мозга извне посредством искусственных стимулов. Смешно искать в коре особые центры для размещения высших функций, прибавляет Выготский, — например, когда Павлов локализует операции обобщения в лобных долях.

В записных книжках Выготский употребляет термин «экстрацеребральные связи». Высшие психологические функции локализованы не только в мозгу; их жилищем является весь мир культуры, в котором человеческий мозг становится компонентом общественных отношений и орудием решения социальных задач. Нервные связи в таком случае замыкаются не внутри мозга, а *между одним и другим человеческим мозгом* через посредство культурных знаков, в первую очередь — слов.

«Для нас в центре локализации стоят экстрацеребральные связи... В мозгу и его функциях *в натуралистическом плане* нет и не может быть соответствующих речи структур, они возникают сверху — из психологических структур (два мозга, взаимодействующие через историко-культурную среду). В слове — источник новых мозговых структур» (Выготский, 2017, с. 482).

Чтобы понять *высшую* нервную деятельность, нужно посмотреть на работу мозга *сверху*, из-за

пределов черепной коробки. Высшие функции формируются в моем мозге не иначе как в процессе сотрудничества с другим человеком и чужим мозгом. Существовая физиологически отдельно, наши два мозга образуют единую «интерпсихологическую» систему. Вот почему решить проблему локализации высших функций позволяет только *психологическая физиология*.

Согласно «общему генетическому закону культурного развития», внешняя психологическая связь между людьми становится внутренней, вращаясь внутрь индивидуального сознания. В нервной системе происходит аналогичный процесс: экстрацеребральная связь моего и чужого мозга посредством слов и иной культурной «периферии» интериоризуется, благодаря чему открывается возможность рефлексии и понимания себя.

«При понимании [внешнего мира. — А.М.] другой возбуждает у меня в мозгу связи — я его жертва; при понимании себя — один участок мозга связывается с другим через периферию. Опосредствование создает принципиально новые типы связи в нервной системе. Что невозможно для одного человека, возможно для двух. Регулировка через периферию — частый принцип в организации нервной системы» (Выготский, 2017, с. 482).

В нервной системе человека, помимо прямых связей между различными участками мозга, устанавливаются связи *высшие, опосредствованные* через «периферию». Именно такого рода связи и мозговые структуры работают при «понимании себя», т. е. в процессах самосознания и волевого овладения своими высшими функциями. Эти связи обеспечивают любые процессы осознанной, «произвольной» деятельности человека.

Прибавим, что «периферия» (слово, прежде всего) не есть просто *средство* регуляции нервных процессов. Выготский видит в слове *источник* новых мозговых структур высшего порядка — точно так же, как социальная среда для него не «обстановка», не внешний фактор развития личности, но источник возникновения и развития всех ее специфически человеческих свойств.

Работы Лешли не дают оснований полагать, что подобный взгляд был ему близок. Да, он заявлял, что в своем развитии психология обогнала физиологию мозга и что «...исследование психологических процессов дает массу фактического материала, с которым должны быть согласованы законы нервной деятельности» (Лешли, 1930, с. 315). Тут же, однако, выясняется, что речь идет об исследованиях сугубо натуралистического толка (бихевиоризм, гештальтпсихология и «целевая психология» Э.Ч. Толмена). Причем, по мнению Лешли, ни одна из этих теорий не позволяет удовлетворительно объяснить весь массив фактических данных о работе мозга.

Реально продвинутся в области психологической физиологии, понимаемой в духе Выготского, его соратники: Н.А. Бернштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец. Весомую пользу делу принесла те-

ория функциональной системы П.К. Анохина, хотя и вполне далекая от культурно-исторического понимания психофизиологии человека.

Дефицит историзма в научном подходе Лешли стал главным предметом критики со стороны Выготского (равно как и у его содокладчика Сапира). Тезис Лешли об отсутствии принципиальных различий в работе нервной системы у человека и животных, притом даже у низших животных видов, санкционирует прямое перенесение экспериментальных данных, полученных в результате операций на мозге животных, в область клинических исследований человеческого мозга, — что «не может привести ни к чему иному, кроме грубых ошибок» (Выготский, 1934, с. 41).

Со своей стороны, Выготский разрабатывает вариант принципа «хроногенной локализации» высших психологических функций, утверждающий зависимость «мелодии» (динамической конфигурации) церебральных связей от уровня культурного развития личности. В силу этого принципа, например, поражение одних и тех же участков мозга у детей и взрослых ведет к разным последствиям в функциональном плане и компенсируется тоже по-разному. У человека с развитым мышлением «...понятие о предметах может даже выступить как основное средство компенсации дефекта» (Выготский, 1960, с. 379). В доказательство Выготский приводит случаи из клинической практики, в том числе своей собственной, когда больные агнозией, не умея узнать предмет визуально, догадываются путем рассуждения, что это за предмет.

Лешли оспорил не только традиционное учение о локализации, он поднял меч на Святой Грааль физиологов — теорию рефлексов, заявив, что она исчерпала свой эвристический потенциал. «Мы достигли в изучении церебральных функций того пункта, когда рефлексорная теория не является уже плодотворной ни для формулировки проблем, ни для понимания процессов интеграции. А если она не пригодна здесь, то вряд ли она сможет иметь большую ценность для понимания поведения» (Лешли, 1930, с. 304).

Особо тяжкие последствия имело и все еще имеет влияние неврологических теорий на развитие *психологии*, говорит Лешли, приводя в пример висцеральную теорию эмоций и учение об «интеллектуальном решении задач» методом проб и ошибок, представляющее собой по сути «вывод из теории рефлексов». Это Лешли еще умолчал о прямых вторжениях физиологов в область психологии, плодящих рефлексы цели и свободы, рефлекс «что такое?» (он же «исследовательский», «ориентировочный», «поисковый») ²⁰ и тому подобные небылицы.

Если Павлов во главе многолюдной ученой армии создавал психологию *снизу вверх* («физиологическую психологию», как ее окрестил Вундт), то Лешли руководствовался первой заповедью психологической физиологии: анатомия психики — ключ к

пониманию работы мозга. Его теория, при всех своих недостатках, строится *сверху вниз*, хоть он и ставит нервную систему крысы и человека на одну доску и, уж конечно, не имеет понятия об экстрацеребральной локализации высших психологических функций: «два мозга, взаимодействующие через историко-культурную среду»...

III

Термин «психологическая физиология» лишь однажды встречается в печатных трудах Выготского и фигурирует там в ином смысле, нежели в прениях с Лешли. Между «психологической физиологией» и «физиологической психологией» ставится знак равенства, нет и намека на главенство психологической теории при исследовании развития нервной системы (см.: Выготский 1930, с. 53). Возможно, эта работа — «Психика, сознание и бессознательное» — была написана гораздо раньше, чем вышла в свет.

Уже в записной книжке 1928 года мы встречаем заветную мысль: «Нужна не физиологическая психология (Wundt), а психологическая физиология... Это перевернет все точки зрения в психоневрологии. Павлов, Йенш, гештальттеория — все это разные психологические физиологии [без ясного понимания психики. — А.М.]. Надо от системы ясных понятий (психологии) идти к физиологии» (Выготский 1977, с. 94).

Под «системой ясных понятий» Выготский, несомненно, подразумевает *свою* психологическую теорию, от которой и намеревается «идти к физиологии». В 1928 году постройка такой системы еще только начиналась. Лишь два года спустя он приступит к исследованию «психологических систем»: (i) различных типов связи между психологическими функциями, (ii) процессов развития и распада психологических формаций и, наконец, (iii) «смысловой системы связей и организации сознания» (в последние два года жизни).

В записи, датированной октябрём 1932 года, замысел психологической физиологии раскрывается в самых точных и продуманных формулировках — теперь уже в русле концепции «системно-смыслового строения сознания».

Начинает Выготский с повторения пройденного. «*Наша точка зрения*: единство психофизиологических процессов и главенство психического момента; исследование *психологических* процессов; вершинная точка зрения в психофизиологической проблеме» (Выготский, 1982, с. 66). Как уже было сказано выше, в примечании, «психологическими» Выготский называет *психофизиологические*, а не чисто психические процессы. Последние составляют лишь «психический момент» первых. Но этому моменту Выготский отдает «главенство» над физиологическим внутри их

²⁰ Подробнее об этом см.: Майданский, 2021.

единства, именуя это «вершинной точкой зрения» в психофизиологии (так же, как главенство биологического момента над химическим есть «вершинная точка зрения» в биохимии).

Ниже в той самой записке повествуется, как *сознание* изменяет психофизиологические процессы, выстраивая новые, *системные* взаимосвязи психологических функций. Такого рода система межфункциональных связей возникает через общение и развивается не органически, а исторически. Поэтому и в мозге локализуется она совершенно иначе по сравнению с низшими, «элементарными» психологическими функциями.

«*Главное*: возможность, вносимая сознанием, нового движения, нового изменения психофизиологических процессов, новых связей, нового типа развития функций — в частности, *исторического* с изменением межфункциональных связей — *случай невозможный в плане органического развития*: психологические системы... Возможность *социального* сознательного опыта, а отсюда и первичность сознательных структур, строящихся извне, через общение: что невозможно для одного, возможно для двух. В проблеме психологического развития и локализации — конкретизация этой точки зрения; ср. экстрацеребральные связи. Идея психологической физиологии» (Выготский, 1982, с. 66).

Этот термин мы снова встретим 45 лет спустя — в прощальной работе А.Р. Лурия: «К проблеме психологически ориентированной физиологии» (Лурия, 1977). В его архиве хранится ранняя версия этой статьи под названием «К проблеме “психологической физиологии”» (1974), написанная в соавторстве с Е.Д. Хомской.

Историю этой дисциплины Лурия ведет издавка — от И.М. Сеченова. Потребовалась немалая проницательность, чтобы разглядеть эмбрион психологической физиологии в одной-двух строках из курса лекций «Физиология нервных центров» (1890). А вот кто первый и с каким умыслом ввел в обращение термин «психологическая физиология», Лурия почему-то не сообщает.

Любопытный штрих: термин этот прозвучал в докладе Лурия еще при жизни Выготского, примерно в то время, когда к нам приехал Лешли. В ходе недоброй памяти дискуссии «О положении на психологическом фронте» (Харьков, 12–13 июня 1931)²¹ один украинский товарищ поведал собравшимся: «Сравнительно недавно перед вами у нас был представитель московской психологической мысли проф. Лурия, который делал доклад об экспериментальной психологии. Несомненно, доклад интересный... То, что он излагал, мало нам давало и в области психологии, и в области физиологии. Лурия называл это “психологической физиологией” — термин, который для нас также не совсем понятен» (Дискуссия, 1931, с. 30).

В общем, слушателям было интересно, но проку мало, и непонятно, что это за новая физиология такая, психологическая...

Почему Лурия перестал употреблять это название, а потом вдруг вспомнил о нем в конце жизни? И отчего не упомянул, что замыслом психологической физиологии с ним поделился друг и учитель, Л.С. Выготский? — Мне этого не понять. Запишем в загадки, как говорил капитан Жеглов.

На самом деле, начиная уже с 1920-х годов, Лурия занимался не чем иным, как психологической физиологией, когда исследовал нейродинамические процессы и двигательные реакции «на пути психологического эксперимента»: в частности, рассматривая «... моторику как систему, отражающую структуру скрытых психологических процессов» (Лурия, 2002, с. 37).

В авторском предисловии к американскому изданию книги «Природа человеческих конфликтов» (1932) ясно и недвусмысленно декларируется кредо психологической физиологии: «Особенности элементарной нейродинамики, которую мы наблюдаем у человека, становятся понятными лишь исходя из анализа тех высших форм организации поведения, которые связаны со сложнейшими, культурно созданными психологическими функциями» (там же, с. 17). Разве что слово «элементарной» здесь выглядит лишним, этим сильно сужается предмет психологической физиологии. Но Лурия, вероятно, подразумевал развернутую в книге критику «объективных школ в психоневрологии», с их стремлением объяснять каждый акт поведения в терминах элементарных процессов возбуждения и торможения, вооружившись представлением о мозге по образцу телефонной станции.

А построение обходных путей для восстановления движений, речевых и других высших психологических функций у пациентов с мозговыми травмами — что это, как не *психологическая физиология в действии*? Работы в этой области принесли ученикам Выготского заслуженную славу.

Сам Выготский еще в 20-е годы занимался восстановлением двигательных функций у паркинсоников при помощи разложенных на полу карточек (наглядный пример построения экстрацеребральной связи, компенсирующей нарушенные автоматические реакции). Несколько лет спустя он сформулировал компенсаторный принцип и для высших психологических функций при поражениях зрелого мозга: «Объективирование расстроенной функции, вынесение ее наружу и превращение ее во внешнюю деятельность является одним из основных путей при компенсации этих нарушений» (Выготский, 1934, с. 40–41).

По авторитетному свидетельству Т.В. Ахутиной, описанная «экстериоризация» и по сей день остается «основным психотехническим приемом» для уче-

²¹ Прибывший из Москвы инквизитор А.А. Таланкин осудил «группу Выготского—Лурия» и призвал «серьезно бороться с культурно-психологической концепцией». Следующий докладчик не замедлил включить Выготского и Лурия в перечень «чрезвычайно опасных эклектиков» (см.: Дискуссия, 1931, с. 15, 27).

ников А.Р. Лурия и Л.С. Цветковой (Ахутина, 2004, с. 41).

Поделившись историей о том, как Лурия исправил в ее автореферате свое имя на имя Выготского — в месте, где речь шла о первенстве в разработке принципов нейропсихологии, — Татьяна Васильевна ставит вопрос: каким путем Выготский пришел к своим открытиям в этой области? Мне хотелось бы надеяться, что предпринятое исследование проекта психологической физиологии добавит немаловажные подробности к ответу на этот вопрос.

Заключение

После смерти Выготского Лурия приложил немало стараний для издания памятного сборника (Festschrift) с участием целой плеяды выдающихся ученых. Кампания против педологии 1936 года,

с изъятием книг Выготского из библиотек, сделала такое издание невозможным, но в архиве Лурия сохранились ответные письма приглашенных им в сборник авторов, включая и Лешли. Мы не знаем, как Лешли отреагировал на доклад Выготского, не знаем, сумел ли он оценить замысел психологической физиологии, но слова из его письма говорят о многом: «Смерть Выготского, о которой я не знал раньше, глубоко опечалила меня. Он казался мне одним из самых обаятельных и блестящих людей, которых я когда-либо встречал, и его смерть является серьезнейшей потерей для науки. Я сочту за честь, если мне позволят принять участие в посвященном его памяти сборнике» (цит. по: Левина и Морозова, 1984, с. 86).

Диалог с Лешли не получил продолжения, но психологическую физиологию Выготский оставил в надежных руках. Брошенное им семя дало плоды, которыми отечественная наука вправе гордиться.

Список источников / References

1. Ахутина, Т.В. (2004). Л.С. Выготский: культурно-исторический и естественнонаучный подходы к интериоризации. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 3, 41–56.
Akhutina, T.V. (2004). L.S. Vygotsky: cultural-historical and natural science approaches to internalisation. *Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 3, 41–56. (In Russ.).
2. Выготский, Л.С. (1934). Психология и учение о локализации. В: *Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров. Харьков, 1934, 18–24 июня. Тезисы докладов* (с. 34–41). Харьков: Книжная фабрика им. Г.И. Петровского.
Vygotsky, L.S. (1934). Psychology and the theory of localisation. In: *First All-Ukrainian Congress of Neuropathologists and Psychiatrists. Kharkov, 18–24 June 1934. Abstracts of reports* (pp. 34–41). Kharkov: G.I. Petrovsky Book Factory. (In Russ.).
3. Выготский, Л.С. (1960). Проблема развития и распада высших психических функций. В: Л.С. Выготский. *Развитие высших психических функций (Из неопубликованных трудов)* (с. 364–383). М.: Изд-во АПН. 500 с.
Vygotsky, L.S. (1960). The problem of the development and decay of higher mental functions. In: L.S. Vygotsky. *The development of higher mental functions (From unpublished works)* (pp. 364–383). Moscow: APN Publishing House. 500 p. (In Russ.).
4. Выготский, Л.С. (1977). Из записных книжек. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2, 89–95.
Vygotsky, L.S. (1977). From notebooks. *Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 2, 89–95. (In Russ.).
5. Выготский, Л.С. (1982). Из записных книжек. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 1, 60–67.
Vygotsky, L.S. (1982). From notebooks. *Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 1, 60–67. (In Russ.).
6. Выготский, Л.С. (1930). Психика, сознание и бессознательное. В: К.Н. Корнилов (ред.), *Элементы общей психологии. Вып. 4* (с. 48–61). М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ.
Vygotsky, L.S. (1930). Psyche, the consciousness and the unconscious. In: K.N. Kornilov (ed.), *Elements of general psychology. Issue 4* (pp. 48–61). Moscow: BZO Publishing House of the Faculty of Education, MSU 2. (In Russ.).
7. Выготский, Л.С. (1986). Конкретная психология человека. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 1, 51–65.
Vygotsky, L.S. (1986). The concrete psychology of personality. *Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 1, 52–63. (In Russ.).
8. Выготский, Л.С. (2017). *Записные книжки. Избранное* (Е. Завершнева, Р. ван дер Веер, общ. ред.). М.: Канон+. 607 с.
Vygotsky, L.S. (2017). *Notebooks. Selected works* (E. Zavershneva, R. van der Veer, Eds.). Moscow: Kanon+. 607 p. (In Russ.).
9. Выготский, Л.С., Леонтьев А.Н. (2003). Предисловие к книге А.Н. Леонтьева «Развитие памяти». В: А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Е.Е. Соколова (Ред.), *А.Н. Леонтьев. Становление психологии деятельности* (с. 199–206). М.: Смысл.
Vygotsky, L.S., Leontiev, A.N. (2003). Preface to A.N. Leontiev's book *The development of memory*. In: A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.E. Sokolova (Eds.), *A.N. Leontiev. The Formation of activity psychology* (pp. 199–206). Moscow: Smysl. (In Russ.).
10. Дискуссия о положении на психологическом фронте (1931). *Советская психоневрология*, 7(2–3), 7–52.
Discussion on the situation on the psychological front (1931). *Soviet Psychoneurology*, 7(2–3), 7–52. (In Russ.).
11. Левина, Р.Е., Морозова, Н.Г. (1984). Воспоминания о Л.С. Выготском. *Дефектология*, 5, 81–86.
Levina, R.E., Morozova, N.G. (1984). Memories of L.S. Vygotsky. *Defectology*, 5, 81–86. (In Russ.).
12. Лешли, К.С. (1930). Основные нервные механизмы поведения. *Психология*, III(3), 293–315.
Lashley, K.S. (1930). Basic nervous mechanisms of behaviour. *Psychology*, III(3), 293–315. (In Russ.).
13. Лешли, К.С. (1933). *Мозг и интеллект*. (Л.С. Выготский, ред.; пер. с англ. А.А. Нусенбаума; предисл. И.Д. Сапира). М.; Л.: Соцэкгиз. 222 с.
Lashley, K.S. (1933). *The brain and intelligence*. (L.S. Vygotsky, ed.; tnransl. by A.A. Nusenbaum; preface

- by I.D. Sapir). Moscow; Leningrad: Sotsegiz. 222 pp. (In Russ.).
14. Лурия, А.Р. (1977). К проблеме психологически ориентированной физиологии. В: Е.Д. Хомская, А.Р. Лурия (Ред.), *Проблемы нейропсихологии* (с. 9–27). М.: Наука.
- Luria, A.R. (1977). On the problem of psychologically oriented physiology. In: E.D. Khomskaia, A.R. Luria (Eds.), *Problems of neuropsychology* (pp. 9–27). Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Лурия, А.Р. (2002). *Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека*. М.: Когито-Центр. 527 с.
- Luria, A.R. (2002). *The nature of human conflicts: An objective study of the disorganisation of human behaviour*. Moscow: Cogito-Centre. 527 p. (In Russ.).
16. Майданский, А.Д. (2021). Эволюция психики: предметная деятельность и аффект. *Научный результат*. Педагогика и психология образования, 7(3), 68–81. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-6>
- Maidansky, A.D. (2021). Evolution of the psyche: objective activity and affect. *Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 7(3), 68–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-6>
17. Сапецкий, А.О. (1999). Диалог физиолога с психологом. *Журнал высшей нервной деятельности*, 49(6), 909–918.
- Sapetsky, A.O. (1999). Dialogue between a physiologist and a psychologist. *Journal of Higher Nervous Activity*, 49(6), 909–918. (In Russ.).
18. Lashley, K.S. (1929). *Brain mechanisms and intelligence: A quantitative study of injuries to the brain*. Chicago, IL: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.1037/10017-000>
19. Лурия, А.Р. (1932). *The nature of human conflicts, Oremotion, conflict and will: An objective study of disorganisation and control of human behaviour*. New York: Horace Liveright.

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Майданский, доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация; профессор кафедры философии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО НИУ БелГУ), Белгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Information about the author

Andrey D. Maidansky, PhD in Philosophy, professor at the UNESCO Chair “Cultural-Historical Psychology of Childhood”, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation; Professor of Philosophy, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 05.12.2025

Поступила после рецензирования 18.02.2026

Принята к публикации 01.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.12.05

Revised 2026.02.18

Accepted 2026.03.01

Published 2026.03.30